

Валерий Пикулев

Гвардеец Бонапарта

Гордись, Европа: у тебя
есть Россия!

Валерий Пикулев

**Гвардеец Бонапарта. Гордись,
Европа: у тебя есть Россия!**

«Издательские решения»

Пикулев В.

Гвардеец Бонапарта. Гордись, Европа: у тебя есть Россия! /
В. Пикулев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831778-1

Документально-художественный исторический роман. По-новому освещает и события прошлого (Отечественная война 1812 года), и роль России в современной Европе. Основное место в нём уделено Русскому походу Бонапарта, документально подтверждённое освещение которого входит в противоречие с традиционной историографией. Основанный на реальных фактах, роман посвящён известному французскому актёру, другу автора Оливье Сиу, «выбравшему Россию» и уже полтора десятка лет живущему в Санкт-Петербурге.

ISBN 978-5-44-831778-1

© Пикулев В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Вступление	8
Часть 1. Франция... – в поисках удачи	10
1. Тайна аббатства Люнье	10
2. Крутые повороты	19
3. Национальный Архив	28
Часть 2. Рукопись гвардейца Бонапарта	32
1. Неман...	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Гвардеец Бонапарта Гордись, Европа: у тебя есть Россия!

Валерий Пикулев

© Валерий Пикулев, 2018

ISBN 978-5-4483-1778-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Прототип главного персонажа книги – французский актёр театра и кино ОЛИВЬЕ СИУ, выпускник Версальской Академии Театра (Conservatoire d'art dramatique de Versailles) и Академии Киноискусства в Париже (Conservatoire Libre du Cinema Francais).

Оливье – потомок выдающегося русского поэта Афанасия Фета. Родился близ Парижа в 1973 году, значительную часть жизни провёл на юге Франции, в Монпелье. Ныне же актёр живёт – и уже полтора десятка лет! – в Санкт-Петербурге, работая над сценариями новых фильмов.

На вставке: фото Оливье Сиу.

Материалы биографии и фото актёра предоставлены с его разрешения.

В книге также использован материал мемуаров и воспоминаний.

1. Филипп-Поль де Сегюр. Пожар Москвы. 1812 г. «Мемуары графа де-Сегюра (1912)»;
2. Алексей Петрович Ермолов. Записки. «Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии, в Отечественную войну 1812 года». (Сайт «Военная литература»: militera.lib.ru);
3. Денис Васильевич Давыдов. Военные записки. (Сайт «Военная литература»: militera.lib.ru).
4. Александр Сергеевич Пушкин. «Полководец», 1835 год.

Николя, актёр из Монпелье, недавний фаворит, замечает охлаждение внимания к себе, – видимо, юношеский запал и броская внешность со временем поугасли... Но он не сдаётся! – Снять фильм о своём предке, гвардейце Бонапарта, осевшем в России... – и вот тогда!.. Но тогда надо отправиться в эту «страну бандитов»!

Струхнувший, Никó всё же свыкается с такой мыслью, чему способствует и семейная реликвия, – рукопись предка о Русском походе Великой Армии, – будоражащая, кстати, не только его воображение...

Вступление

Оливье Сиу, – француз, выбравшему Россию...

Солнечный июльский день 2011 года... Александровка... – небольшой дачный посёлок близ Санкт-Петербурга. Направляюсь к лесу, пытаюсь отыскать (или скорее – угадать) мою, одну-единственную тропку, по которой так любил когда-то в этот лес хаживать. Любил... а было это давненько, ещё до 1984 года, после чего в этих местах более и не появлялся. За пролетевшие годы поле, по которому петляла моя тропка, уже застроили: появилось садоводство, два коттеджных посёлка и даже целый малоэтажный комплекс городского типа – и всё это в каких-нибудь тридцати километрах к северо-западу от Питера, близ озера Разлив. Именно, в этих местах, в июле – августе 1917 года, на сенокосе в шалаше скрывался «от ищек Временного Правительства» вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин (там сейчас мемориальный комплекс под названием «Музей-шалаш В.И.Ленина»).

Своей заветной тропинки я, конечно же, в тот день не отыскал и, удручённый, решил осведомиться об удобной дорожке, по которой ходят в лес теперь. Молодой человек, лет около сорока, как раз стоял на перекрёстке улиц жилого комплекса и присматривал за девчужкой, катавшейся на трёхколёсном велосипеде. Поздоровались... и на мой вопрос он ответил, несколько путаясь в падежах и слегка коверкая слова, – что он не знает, что иностранец, и что приехал в Россию из Франции...

Оливье (а именно, так звали моего собеседника) познакомил меня со своей дочуркой, Матильдой, которой шёл уже третий годик, в чём она, приветливо улыбнувшись, завершила меня без какого-либо акцента.

«А что же Вас заставило, – несказанно удивился я, – из Франции... да и к нам?! Ведь, у вас там всё в полном порядке, до мелочей! А у нас...»

«Да, во Франции всё отработано, везде порядок, – согласился Оливье, – жить там удобно. А здесь грязновато как-то, неряшливо, не везде всё продумано: скажем, инвалидам в транспорте – ну никак! А если к врачу пойти, так за полмесяца записываться надо. А вначале, как приехал, так вообще, с утра очередь занимал на запись! За электричество заплатить... – ну, такая толкотня, что с утра лишь и возможно! Нет, во Франции везде блеск, всё предусмотрено! Однако в лес, например, там просто так не войдёшь, – сразу спросят, есть ли разрешение, а здесь... – пойдёшь, заблудишься даже, и никто слова не скажет! Нет, в России, всё ещё устанавливается, бурлит, клокочет, – живая энергетика! – а там... ни туда, ни сюда... – болото! А о России толком никто ничего не знает; идёт сильнейшая против вас пропаганда – меня, вот, тоже очень долго отговаривали...»

Далее Оливье поведал, что он – актёр, что во Франции творческой личности очень тяжело: со своими идеями и замыслами не пробиться, – так... по мелочи только. Объехал почти всю Европу – та же картина. Был и в Америке, – там уж больно много о равных возможностях, о свободе говорят, а её... – один обман, короче! Здесь же – сразу проявили интерес, пригласили на съёмки... и уже в нескольких фильмах!

Первое время, пока не приобрёл машину, ездил автостопом, – и все останавливались и подвозили! Да! Люди здесь нормальные: помогут, подскажут! Во Франции, в Европе... – не так.

Потом я узнал, что Оливье родился близ Парижа, а затем перебрался в Монпелье, на юг Франции.

Монпелье... – это же один из немногих центров протестантизма в католической Франции, как помнится. «А Вы – католик или протестант?» – осведомился я тут же. «Я, – православный... Моя бабушка из России» – последовал ответ.

И тут мне вспомнился друг студенческих лет, который в «лихие девяностые», отчаявшись «терпеть запахи общественного туалета в своём подъезде», ну и вообще... мечтал перебраться в Швецию (у него были шведские корни). Для этого он, – православный! – даже перекрестился в лютеранство. Но случилось так, что пришлось уехать ему не в лютеранскую Швецию, а в католическую Францию, женившись для этого на старшей себя по возрасту парижанке из семьи русских эмигрантов первой волны. С нею его, имевшего дворянское происхождение (и соответствующую родословную), заочно познакомили в Дворянском Собрании Санкт-Петербурга. Так вот, они, продав свою парижскую студию-живопись у Булонского леса, откупили целый этаж дома, близ Перпиньяна... – одним словом, в тех же местах, на юге Франции, откуда и Оливье. Вот каковы они, судьбы людские!

А летом 2014 года я вновь увидался с Оливье... – теперь уже моим соседом по Александровке. Он только что снялся в телефильме об Отечественной войне 1812 года. Заговорили о Наполеоне... Тут мой собеседник сел, что называется, на своего конька:

«...Они прут лавиной, а мы отступаем, – говорил он с жаром, – отступаем, и сделать ничего нельзя!»

«Кто это – они?» – спрашиваю не без ехидцы.

«Ну как это кто – французы!» – уточнил Оливье совершенно серьёзно. Тут я, не выдержав, расхохотался. – Да, совсем обрусел мой французский приятель! – Ну, молодец!

Ещё Оливье поведал, что уже начал раскручивать свою идею и подумывает о собственном сценарии, ну а Питер для этого... – короче, вряд ли ещё есть где-нибудь такое место, и что он здесь навсегда... и что у Матильды уже появилась сестрица, Камила... и что это не предел!

«Так ты будешь теперь старшая в доме?» – спросил я Матильду, помнится.

«Да, старшая... Правда, мои родители ещё старше... но они у меня совсем ещё глупые: папа много курит и много пьёт кофе, а мама зачем-то пьёт пиво, а ей нельзя, – у неё животик уже большой!»

«Ну что ж, – подумалось, – ты, действительно, старшая в семье, Матильда! Мир же тебе и твоему дому! Удачи вам, русские французы!» – И тут же возникла мысль: а что если...

Вот так и появилась идея создания этой книги.

Часть 1. Франция... – в поисках удачи

1. Тайна аббатства Люнье

Раскрыть сущность реального человека средствами художественной литературы, отобразив хотя бы главные черты его характера, основные моменты биографии и приметы эпохи на примере захватывающей истории вымышленного персонажа, и при этом не впасть в искушение уйти в сторону, лихо закрутив сюжет, – довольно серьёзная задача. Решить её, на мой взгляд, возможно лишь, удерживая на коротком поводке творческое воображение и контролируя его время от времени с помощью авторских вставок и замечаний. Итак... —

Со стороны Монпелье ползли низкие тучи. Сквозь их драные лохмотья временами тускло мерцали звёзды, и верная спутница ночных бродяг нет-нет да и выставляла свой ушербленный фонарь. Верхушки деревьев под порывами ветра, шум листвы... – ну, разве ж это могло создать ощущение уюта?! Мысли путались, настроение... – да что там!

«Итак, завтра всё и решится... – здесь! Благо, не в полнолуние, а то совсем тоска, – тогда уж точно, от нечисти не отмазаться! Ну, доплёлся, похоже, вот и калитка в стене...» – молодой человек, лет этак тридцати, в тёмном широком плаще, в широкополой шляпе с павлиньим пером, в ботфортах со шпорами и, конечно же, со шпагой на перевязи, пробирался, крадучись, вдоль задней стены аббатства Люнье, огибая мощные контрфорсы, и почти уже добрался до цели – чугунной калитки в высокой каменной ограде. Осторожно дёрнул. Калитка не поддалась, закрытая, видимо, с внутренней стороны. «Странно! Вчера же она была открыта...»

В лицо ударил горячий прилив! «Выходит, напрасно пёрся... в такую-то ночь!» Огляделся... – ни железного прута, ни камня! Да что он смог бы сделать камнем?! – Сторожей разбудить! Пришелец опять подошёл к калитке и теперь внимательно стал её изучать. «А что если просунуть руку меж прутьев, у самой ручки...» Изогнувшись, он выполнил своё намерение и нажал на фигурную ручку с внутренней стороны, – бесполезно! Калитка и в самом деле закрыта на замок. – «Всё! Теперь всё пропало!»

Бедняга тяжело опустился на землю. «Кто-то запер калитку... – он осмотрел внешнюю замочную скважину, – вот только снаружи или с внутренней стороны?» Некое подобие догадки заставило его снова просунуть руку... Он вновь подёргал неподдающуюся ручку. Пальцы бесильно соскользнули с неё и...

«Ключ! – сердце учащённо забилося... – Теперь бы только осторожно его повернуть, не выронив из замочной скважины!»

Это удалось. Тяжёлая калитка, скрипнув ржавыми петлями, поддалась, открывая проход в небольшой сад, за которым виднелось пространство двора. «Уф-ф!» И вдруг, в эту самую минуту... —

– Помогите! – резкий, но негромкий крик раздался откуда-то, справа.

Ночной визитёр миготнул от калитки, оставив её распахнутой, и скрылся в густой листве лесочка, подступившего к стенам аббатства. Отдышавшись, он оглянулся, – никого! Лишь неверный свет луны освещал отпертый проход в сад.

«Кто же это мог быть? Сторожа так не кричат. А может, показалось?» – Обстановка и в самом деле располагала к подобным вывертам возбуждённого сознания. Подождав ещё несколько минут, чтобы унять сердцебиение, он снова, крадучись, приблизился к калитке...

Но пришелец не торопился войти в сад, он немного постоял у отпертого входа, позволив себе прийти в себя, – «интересно, кто же её закрыл, оставив ключ в замке? А вчера, ведь, она была открыта! Сторожа так не поступают... А орал кто?».

Он оглядел монастырский сад и открытый двор. «Теперь бы незаметно прошмыгнуть через дворик! А хотя, кто в такую ночь будет следить?! Разве что собственная тень на древних камнях или... этот. Нет, – лучше, всё же, побыстрее преодолеть двор вдоль стены, а там...»

Увы! – голос рассудка, так отчётливо слышимый в бытовых мелочах, остаётся «гласом вопиющего» в серьёзных жизненных ситуациях. Кабы услышать его ещё вчера... и остаться дома!

Сердце вновь учащённо забилося в предвкушении решающего момента. – «А может, вернуться?» – но этот, уже последний, шепоток разума тоже остался без должного внимания. – «Нет, надо идти до конца, уж коли взялся.» Согнувшись, искатель приключений пересёк сад, пробрался вдоль стены через двор и втиснулся в мрачный проём здания под окнами высокого бельэтажа. Затем он осторожно спустился по склизким, замшелым ступеням в подземелье, – ну как же предательски звякают шпоры, выдавая каждый шаг! – и очутился в крошечной темноте.

Неприятный холодок пробежал вдоль спины: предстоящая ночь в таком месте... мерзкий сквознячок, отдающий плесенью... сырые камни стен, покрытые лишайником... – бр-р! Попытался, было, получше запахнуться плащом, так он зацепился за ножны этой дурацкой шпаги и чуть совсем не сорвался! А тут ещё мерный, настораживающий звук падающих где-то капель! «Да, – обстановочка! Лежал бы себе в тёплой уютной постели под пуховым одеялом, если б... – если бы не завтрашняя дуэль!»

Любитель ночных прогулок в подземельях, достав из сумки трут, кресало и заранее приготовленный факел из просмолённой пеньковой верёвки, ловко высек огонь... И в тот же миг обрисовался низкий сводчатый потолок, стены с нишами, узкий переполненный водосток слева и боковой проход впереди, оживлённые игрой теней от неровно горящего огня.

«Дуэль... Вот завтра всё и решится! Может, лучше было выспаться перед нею, а не шастать по этим мрачным подвалам?» Однако, он не из тех, кого посещает сон в подобные моменты жизни! – Ночной визитёр вдруг поймал себя на мысли о множественном числе «жизненных моментов»... когда, быть может, и остался-то всего лишь один, – последний в жизни! – и криво усмехнулся. «Ну вот, уже и начал входить в образ, пропитываясь плесенью этих стен. Значит, не зря, всё-таки, сюда припёрся!» А если судьба и на этот раз улыбнётся ему, – о, какой пир закатит он для своих друзей в Монпелье, в харчевне мадам Фойе! – «Вот только этот дуралей решил, что непременно на шпагах... Ну да ладно, экая премудрость, – на шпагах, так на шпагах! – Не привыкать!»

Ночной бродяга двинулся по направлению к проходу, намереваясь, оставив его, идти дальше по основному коридору, вдоль водостока. Он знал: этот путь выведет на открытую террасу, что у главных ворот аббатства, близ сада святого Франциска. Вот на ней-то, на террасе холма, южный склон которого сплошь покрыт виноградниками, она завтра и решится... – его судьба! Надо бы хорошенько осмотреться на месте, выбрать узловые точки поединка и постараться их использовать.

Он сделал ещё несколько шагов... – и вдруг! Нет, ни единого шороха не донеслось до его слуха! Но в ещё не освещённом факелом проходе бедолага заметил неровный слабый отблеск! – Некто приближался к проходу с другой стороны, вероятно, по такому же коридору. Холодок пробежал вдоль спины... инстинктивно рука судорожно сжала факел... Первая возникшая мысль – «затушить!» – тут же сменилась другой, уже более разумной: «сперва найти укрытие, а потом уже...» – и, осветив ближайшую нишу, бедняга втиснулся в неё, закрывшись до глаз плащом и спущенной на нос шляпой, и, затушив факел в водостоке, слился со стеной!

Вскоре послышались и глухие шаги, – кто-то, крадучись, шёл по проходу, освещая путь неярким дрожащим светом. Пройдя утаившегося в нише, – тот, едва не вскрикнув от удивле-

ния, остался, похоже, незамеченным, – он остановился и шумно втянул воздух. – Вероятно, его смутил запах недавно горевшего факела. Затем он двинулся дальше. По всей видимости, незнакомец хорошо знал маршрут и шёл в обратном направлении, – к потайному выходу из аббатства, к той калитке. «Ах, вот зачем ключ торчал в замке! – ... Чтобы закрыть её с внешней стороны и задержать возможную погоню!». Этих мгновений зоркому глазу, привыкшему следить за противником в ходе многочисленных поединков, оказалось достаточно: лицо незнакомца, – такое знакомое! – запечатлелось в памяти, как на фотографии... которая, к сожалению, будет изобретена лишь столетием позже.

«Идти за ним и остановить? – Но тогда... на каком же основании он сам оказался здесь? – Сообщник?» – и тут другая, ещё более шкурная мысль пронзила сознание: «...он же закроет за собой калитку... – на ключ! И вот тогда... эх, зачем оставил его в замке!» – и цель путешествия была мигом забыта!

Незадачливый визитёр осторожно пустился следом за расчётливым злоумышленником. Это было нетрудно – следовать за блеклым светом и стараясь попадать в такт шагов...

Выйдя во двор, таинственный незнакомец направился, однако, не через сад, к калитке, а, свернув и пройдя вдоль стены здания, скрылся в пристройке церкви аббатства. Следовавший за ним не заставил себя ждать, – он опрометью бросился через двор, юркнул в сад, к калитке, и был таков! Ему даже и в голову не пришло закрыть за собой калитку на ключ...

Заняв «ангард», противники стали медленно сближаться, пытаясь «встать в меру» (достать кончиками шпаг клинки друг друга) и начать «ассо». Сорочка Николя, – плащ и шляпа с павлиньим пером были сброшены ловким и хорошо отработанным движением руки, – его сорочка дразнила партнёра своей белоснежностью, с розоватым отливом утренней зари. Визави же предпочёл остаться в своём неизменном голубом сюртуке.

Кварт левый... квартал правый... терс... – каскад молниеносных ударов обрушился на каждого из участников дуэли!

Фланконад... ангаже... аппель... – да, партнёры в совершенстве знали своё ремесло! – Клинки шпаг, сверкая серебром, оглашали окрестности хрустальным звоном упругой стали.

Аттаке... вольт... купе... – и на белоснежной сорочке Нико расплылась алая полоска! Однако, не растерявшись, Николя Орли вложил все силы в стремительный батман, – звон удара отразился гулким эхом от стен террасы! – и, парировав ответный рипост, изящным кроазе выбил шпагу из рук противника! Тот, потеряв равновесие и оступившись на подвернувшемся каблуке, упал.

– Ну вот и всё, мой милый Поль! – Орли приставил к горлу противника свой клинок. – Один лишь вопрос, – Нико перешёл почти на шёпот, – что занесло Вас, мон сир, этой ночью в подземелья аббатства?

– К-какие подземелья? – Поль, ухватившись за клинок левой рукой в лайковой перчатке, отвёл шпагу противника от своей шеи и, тяжело дыша, поднялся с земли.

– Стоп! Стоп! Экая бездарщина! – прервал сцену дуэли раздосадованный режиссёр. – Вам бы на капустниках играть, а не в кино сниматься! Кто же так фехтует, Поль! – Николя, а с Вами что? Зачем Вы раньше времени даванули на тюбик с вишнёвым соком? А этот Ваш неуклюжий «кроазе»! – Ну что за выдумка, этого вообще нет в сценарии! Так! – Эпизод с дуэлью провален; будем снимать дубль, но только не сегодня, – солнце высоко!

Затем, дав отмашку осветителям, чтобы те сворачивались, он, уже в полголоса, обратился к помощнику:

– Тебе не кажется, мой друг, что Орли... э-э... немного постарел? А ведь, когда-то, ещё так недавно... – юный, дерзкий галл из Монпелье! А теперь, вот... Да и мнит о себе невесть что, вольности несусветные какие-то!

– Похоже... – буркнул помреж, – запал юности, бросакая внешность... х-м, – молодой, рыжий! – не могут долго конкурировать с настоящим талантом, с жёсткой актёрской дисциплиной. Вряд ли стоит делать на него ставку.

– Да! Я тоже пришёл к такому же мнению. Пожалуй, не будем его более привлекать на главные роли. Разве что в массовках, в эпизодах...

В это время на дороге, что вела к главным воротам аббатства, показалась легковая машина камуфляжной окраски... А часа через полтора, когда уже сворачивали аппаратуру, на съёмочной площадке появился гость, о принадлежности которого легко было догадаться. Цилиндрическое кепи (трудно было бы назвать это фуражкой) – с козырьком и белой окантовкой сверху; чёрный китель с красными треугольными отворотами снизу, белым ремнём, портупеей и погонами того же цвета; синие узкие брюки, заправленные в чёрные лакированные сапоги... – всё это говорило, что киношников посетил офицер национальной жандармерии. Он был высоченного роста, худощав, сутул... и, к тому же, выглядел весьма удручённым. Видимо, случилось нечто из ряда вон!

Учув неладное, Николая успел-таки шепнуть Полю:

– Ночью в подвалах аббатства я не шастал и тебя, значит, не видал... – понятно? Да и что тебе там было делать, старина?! – Так?

– Ты опять за своё! – округлил глаза Поль, – ну так... раз уж тебе хочется... тем более, что был я далеко отсюда, а где, – не твоё собачье дело!

Жандарм же тем временем отдал распоряжение следовать всем членам съёмочной группы за ним, в сопровождении двух его коллег, – «для ознакомления», – как решил он смягчить истинное значение предстоящей процедуры...

Экскурсия медленно двигалась по территории аббатства. Моложавая кареглазая блондинка средних лет, – девица-гид, стажёр-выпускник истфака Сорбонны, решившая, видимо, подработать в летние месяцы, – приветливо скаля безупречно-белоснежные зубки, чувствовала себя, что называется, в своей тарелке. – Ни одного англосакса в группе, – все «свои»! – так что нечего упражняться в пиджин-инглиш.

Будущий историк окинула быстрым наметанным взглядом собравшихся, – около двадцати экскурсантов; так... ничего особенного, – и поняла, что эта аудитория схавает всё, что ей будет предложено, и не стоит особо заморачиваться. Помнится, прошлым летом, когда сама ещё была здесь экскурсантом, познавая глубину предстоящего ремесла, она далеко не с первого раза научилась врубаться в детали исторической достоверности, находясь под влиянием личности экскурсовода. Ей навсегда запомнилась лекция старого профессора, посвящённая основам психологии слушательской аудитории. – Старикану пришлось бывать ещё в прошлой, доперестроечной, России, где он наслушался разных баек об ораторах социализма. Кто-кто, а они-то болтать уметь!

К примеру, Луначарский (народный комиссар просвещения Советской России), – как поведал профессор, – не упускал ни единой возможности выступить перед любой аудиторией. Когда к нему приезжали с просьбой срочно выступить с лекцией, он молча одевался и, спускаясь к машине, задавал один лишь вопрос: перед какой аудиторией? Всю дорогу молчал... а, поднимаясь к трибуне, задавал второй вопрос: на какую, собственно, тему? – ... Ну а блеск его выступлений вошёл в историю! Одним словом, главное, – не что, а как говорить, и... кому.

Так вот, – этим! – лепить можно всё! Экскурсовод вновь глянула на собравшихся и предложила проследовать в сад святого Франциска, что приютился с внешней стороны аббатства, в котором испокон веков культивировались лекарственные травы. Экскурсанты принялись тут же фотографировать, – на смартфоны, планшетики, а то и на профессиональные зеркала-цифровики с телеобъективами.

Один из членов группы, – и это, как показалось экскурсоводу, был уже не первый его визит в аббатство (не будущий ли конкурент по профессии?), – тоже делал снимки... однако, с совсем других ракурсов: с боковой аллеи, выходившей на террасу, на которой шли приготовления к съёмкам телефильма; со стороны капеллы святого... Особенно интенсивно он начал фоткать, когда экскурсия перешла в капитульный зал, а затем в нартекс, пристроенный к церкви аббатства. Да, – интерес к истории, надо сказать, в последние годы возрастает прямо на глазах! Вот и сама... – не даром же, имея за спиной неплохую и непыльную специальность, нырнула в эту «пыль веков», словно ловец жемчуга, в поисках сокровищ канувших в океан забвения исторических эпох.

Теперь, пожалуй, самое время ознакомить читателя, хотя бы кратко, с аббатством Люнье.

Отметим лишь, что юго-западнее Монпелье, километрах в сорока от него, в коммуне Вилльвейрак расположено цистерцианское аббатство Вальмань, основанное в 1138 году виконтом Безье Раймоном де Тренкавелем. Однако, являясь как бы прообразом аббатства Люнье, оно к нашему повествованию другого отношения не имеет. Итак... —

В нескольких десятках километров к северо-западу от Монпелье, на живописных, покрытых виноградниками холмах расположилось основанное ещё в двенадцатом веке францисканское аббатство, – некогда одно из богатейших на юге Франции. Утопая, почти в буквальном смысле, в виноградниках, оно стало местным центром виноделия, – трудно во Франции отыскать вина с таким чудесным букетом аромата и вкуса! – а когда-то было и складом изысканных раритетов этого напитка.

Вихри девяти веков, – Столетняя война, религиозные столкновения, Великая Французская революция... – оставили неизгладимый след на стенах монастыря! Былого могущества аббатству восстановить так и не удалось: покинутое монахами, оно пришло в запустение и было продано частным лицам.

В 1808 году аббатство приобрёл граф де Ла Форт, последний его владелец. Поговаривают, что граф, имевший отношение к великой эпохе наполеоновских войн, хранил и некую тайну того времени, сокрытую им в закутках аббатства... Так это или нет, однако ныне католический монастырь стал весьма привлекателен для всякого рода любителей древности и приключений. А киношники... – те его просто облюбовали!

Вот и нынешние съёмки фильма проходили именно здесь, в стенах аббатства, – в полном соответствии с правилами, согласованными с администрацией музея-памятника...

– А Вы смогли бы опознать этого любителя древностей среди... – тут представитель жандармерии, достав пачку сигарет из нагрудного кармана, закурил от зажигалки, выпустив колечко дыма, – ...ну, скажем, среди группы мужчин... в пять – шесть человек?

Стажёр-выпускница истфака, наморщив лоб, – «фи, какой невоспитанный чурбан, закурить даже не предложил!...», – и сделав озабоченный вид, кивнула, издав подтверждающее «угу».

– Ну, тогда за дело! – сухопарый жандарм поднялся со стула, не выпуская сигареты из рта, и предложил экскурсоводу пройти в другое помещение администрации музея.

Там уже стояли, смущённо переминаясь, не скрывая чувства тревоги, шесть участников киносъёмочной группы. До их сведения в общих чертах уже было доведено, что этой ночью неизвестный злоумышленник, отключив сигнализацию и пробравшись в музей, вывернул плиту в полу одного из залов и, вероятно, похитил содержимое обнаруженного под плитой тайника. Кто и когда соорудил тайник и, главное, что скрывалось в нём, – этого, к сожалению, никому не было известно.

Первые, на кого упало подозрение, это, конечно же, члены съёмочной группы, которые падали по закоулкам аббатства в поисках подходящих сцен для натуральных съёмок. Да, положение группы было не из приятных! Вот и стояла она теперь на опознании.

Нико украдкой поглядывал то на Поля, – он как был, так и остался в длинноволосом чёрном парике с прямым пробором, с наклеенными изящными усиками, – то на девуцу, медленно переходившую от одного участника опознания к другому. Поль же пялился то в пол, то на друга.

– В-вот... – неуверенно произнесла экскурсовод, указывая на Поля.

У Николя отлегло от сердца. Значит, его никто не видал в эту злосчастную ночь. Ну а Поль... – да кто ж его просил шляться в этих подземельях?! Другое дело он, – ему же так необходимо было войти в образ перед решающим днём съёмок! Режиссёр, помнится, так и сказал, что если... то придётся искать замену.

Жаль приятеля, конечно же, да своя рубашка ближе... или как там у русских, по словам бабуся. Вот только зря он раскрыл Полю, что и сам был там! Эх, зря! Не проболтался бы...

Ну а если его кандидатуру на роль отклонят? – эта мысль не давала Николя покоя ни днём, ни ночью. Вот и сейчас она приглушила тревогу и за себя, и за поведение друга на допросе. И тут же возникла ещё одна мысль, не менее интересная: а что, собственно, там делал его приятель? Вот это было бы любопытно узнать!

– Вы не ошиблись? – жандармский офицер пристально всмотрелся в побледневшее лицо Поля. – Н-нет... кажется, – пролепетала так же побледневшая стажёр-выпускник истфака.

– Где Вы провели сегодняшнюю ночь, месье? – с грубоватой твёрдостью произнёс жандарм, – Вы понимаете, что я вынужден арестовать Вас?

– Нет-нет, он невиновен! – вдруг раздался крик из соседнего помещения, и в комнату, где проходило дознание, влетела миловидная девушка, помощница продюсера по звуку, – эту ночь Поль... он у меня... – она тут же назвала адрес в Монпелье, – это может подтвердить консьерж... и соседка. У неё ночью сработал автомат... погас телевизор... и он ходил автомат включать. Ну что же ты молчишь, Поль?!

Оглушённый случившимся, бедняга как-то обмяк и стал оседать на пол. Его тут же подхватили под руки и усадили в кресло. Парик сполз на бок, усы наполовину отклеились...

– Стойте! Я вспомнила! – У моего экскурсанта были глаза... светлые такие... и... и шрам под глазом... – экскурсовод поднесла палец к своему правому глазу, – а у этого... Да и без парика он... он совсем другой. – Нет, это не он! – уже твёрдо и решительно закончила она.

Жандармы составили протокол, внеся всех участников опознания с их показаниями (не забыв и помощницу продюсера по звуку), и, козырнув, удалились. С Поля взяли подписку о невыезде за пределы Монпелье и его окрестностей. Он, после столь бурного дня съёмок, предпочёл отдохнуть денёк-другой и получил на это разрешение у режиссёра.

Делом о музейном происшествии занялась полиция Монпелье. Правда, никакого дела, собственно, и не было: вывороченную плиту в полу нартекса легко установили на место (она почти не пострадала), ничто из экспонатов музея не утрачено и заявлять, собственно, не о чем, а обнаруженный тайник... – да и тайник ли он, в самом-то деле?! Ну короче, проверив показания помощницы продюсера по звуку (и убедившись в невинности Поля), дело тут же и закрыли из-за отсутствия состава преступления, а его материалы передали в другие инстанции... Состав преступления на сей раз и в самом деле не было, однако скверно другое, – почерк, место акции... – Всё так похоже на измышления, приведённые в тех бульварных романах, о которых предупреждал Париж...

Уже не единожды из столицы во все закутки Франции направлялись вводные директивы: в стране, возможно, ожидается серия музейных краж. Причём, целью грабителей будут скорее не экспонаты, а музейные архивы, хранилища и тайники! Вероятны также кражи и похищения в архивах соборов, старинных особняках... не следует упускать из внимания и обвет-

шалые склепы замков и заброшенных кладбищ. Вначале всё это воспринималось как серия мероприятий в целях подготовки полицейских кадров и профилактики: дескать, в стране орудует группа высокоинтеллектуального уровня (трудно, пожалуй, назвать их преступниками!), не падкая на дорогие безделушки и даже на антиквариат. Однако, настойчивость этих директив заставила по-другому взглянуть на вещи: а что если к работе полиция подключила экстрасенсов, которые сейчас в такой моде... – ведь, поиски Меча Нибелунгов, Чаши Грааля... а может, сокровищ Тамплиеров или клада Наполеона... – эти поиски никто ещё не отменял!

«Граф де Ла Форт... граф де... пожалуй, это последняя зацепка...» – мысли путались, обращаясь в бесформенную студенистую массу. Барабанная дробь, выбиваемая пальцами по журнальному столику выдавала неготовность к принятию окончательного решения. В сознании же заикнулась, словно затёртая патефонная пластинка, фраза: «...и Сила Мудрости лишь тем подвластна, кто в сумраке ночном способен ждать рассвет!», —выдернутая из воспоминаний графа.

Воспоминания графа де Ла Форт... – скольких же трудов и многодневных бдений в архивах стоило откопать их, эти скупые заметки двухсотлетней давности!

Филипп-Поль де Сегюр, квартирмейстер Главного штаба Наполеона, где-то, в своих записках, упомянул о некоем графе из этих мест, будто бы причастном к походу в Россию, – вот с этого всё и началось.

Филипп-Поль де Сегюр, бригадный генерал, в 1812 году квартирмейстер при Главном штабе Наполеона, – автор записок-воспоминаний «История Наполеона и его Великой Армии в 1812 году». Бытует мнение, что Филипп-Поль де Сегюр был адъютантом Бонапарта, однако генерал-лейтенант Гаспар Гурго, с 1811 года бессменный адъютант Наполеона, счёл записки де Сегюра не имеющими реальной основы и даже вызвал последнего из-за этого на дуэль.

«...И Сила Мудрости...» – А действительно, последний владелец аббатства Люнье, имевший отношение к русскому походу, точнее же, к бегству Великой армии из России, мог бы оставить кое-что интересное для своих потомков, – «...лишь тем подвластна...» – и это «кое-что» следовало, конечно же, искать в аббатстве. Но вот, где именно, в каком из его закоулков, – «... кто в сумраке ночном способен ждать рассвет...» – неужто граф де Ла Форт оказался столь безжалостен к ним, к потомкам, чтобы не оставить хотя бы подсказку, лёгкий намёк?!

План рискованного предприятия, – хотя ничего конкретного пока не обрисовалось, – начал, всё же, складываться. По крайней мере стало ясно, что следовало нанести визит в аббатство и, пожалуй, не один...

Первое посещение музея-памятника, конечно же, было посвящено изучению систем охранной сигнализации. А то как же! – Именно с этого начинались знакомства с шедеврами мирового искусства Перпиньяна, Монпелье, Парижа... и Санкт-Петербурга – если верить этим дурацким книжкам...

Забегая вперёд, можно уверенно сказать, что результатом этого знакомства стала та лёгкость, с коею тёмными ночами вполне можно было совершенно спокойно шататься, «входя в образ», в подземельях аббатства Люнье, впитывая Дух Истории и ничего не опасаясь...

Во время следующего визита всё внимание было отдано экспозиции музея, – без дураков! Розарий и дубовая рошица монастырского сада, правда, были осмотрены довольно бегло; а вот камин эпохи Возрождения, что в трапезной, фонтанчик для омовения рук возле южного её крыла, а также нартекс, пристроенный к главному фасаду церкви аббатства, – удостоились детального рассмотрения. Всё это было заснято в своё время на цифровик самым тщательным образом и с самых разных ракурсов. Уже дома, при внимательном рассмотрении снимков

на компьютере... – короче, на снимке одного из пролётов нартекса, на декоре арки, удалось различить слова под изображением: «Сила Мудрости»...

«...И Сила Мудрости лишь тем подвластна, кто в сумраке ночном способен ждать рассвет!» – эта строка из воспоминаний графа как-то сама собой всплыла из глубин памяти. «Да здесь, пожалуй, не только подсказка, но и прямое руководство к действию, – в темноте ночи! – ай да граф, ай да молодчина!»

Вот теперь стало ясно, что необходимо предпринять. А предпринять следовало ещё один визит. Нет, не последний, – он состоится ночью, после отключения сигнализации, – а чтобы заснять все детали: стены, потолок, пол... и окончательно доработать план.

Через пару дней снимки интересующего уголка нартекса были получены. Кроме того, удалось найти и довольно удобный способ проникновения в аббатство с чёрного хода, – через калитку, ведущую в сад и, по-видимому, никогда не запиравшуюся. Вернее, она запиралась со стороны сада, но не на ключ (который, несомненно, был бы уже давно утерян), а на защёлку, выполненную в виде ключа. Ну а доступ к системе охранной сигнализации, как и в большинстве провинциальных музеев, осуществлялся со стороны подвала... – Это ещё ранее установил «инспектор-электрик», посетивший аббатство в соответствии с Национальной Программой охраны памятников культуры. Оставалось ждать лишь удобного момента...

Ну а теперь... эти нынешние приготовления к съёмкам лихого исторического телебоевика, – ах, как это кстати! – для которых актёрская группа, видимо, «поселится» в аббатстве не на один день... – не настал ли теперь этот момент?!

И вот, в ту памятную ночь...

В ту ночь небо заволокли низкие тучи. Они ползли со стороны Монпелье, стыдливо прикрывая своими лохмотьями нагую красу звёздного неба и лишь изредка позволяя луне мельком осветить грешную землю.

Машину удалось укрыть в лесочке близ деревушки, недалеко от аббатства, и теперь можно без канители пробраться до калитки вдоль стены монастырского сада. Вот сейчас надо свернуть за угол, обогнув контрфорс тыльной стены аббатства и... – Но... но, что это?

У запертой на задвижку чугунной калитки копошилась некая бесформенная масса! Показавшаяся в просвете туч луна тут же придавала этой массе очертания человека, не совсем обычно, правда (для двадцать первого-то века), одетого: в плаще, в шляпе с пером... да ещё и со шпагой!

Беззвучный взрыв хохота был вовремя подавлен; и тут в сознании вновь прошелестели книжные страницы: Санкт-Петербург... Каменный Остров... – Там, помнится, при схожих обстоятельствах дело чуть было не провалилось из-за одного актёришки, возвращавшегося ночью в гостиницу навеселе... и в полном, – нашёл же когда входить в образ! – обмундирования лейб-гвардейца Семёновского полка! – Этот, видать, тоже...

И вдруг холодок продрал вдоль спины: «Он же, болван, всё испортит! Сигнализация-то не отключена!» – и решение созрело моментально!

– Помогите! – негромкий крик разодрал темноту; и тут же тень метнулась от калитки к ближнему лесочку! Этого было вполне достаточно: другая тень промелькнула вдоль стены в открытую калитку, согнувшись, прошмыгнула под тенью ограды через монастырский двор... – в подземелье аббатства!

Вот и люк... так... ну всё! – Отключено! – «Уф-ф!» – И только сейчас пришло осознание всей «прелести» происшедшего: «ну, братцы-киношники... теперь вовек вам не отмазаться!»

Тут же возникло жгучее желание проследить за горе-актёришкой, а то и пугнуть его как следует! Для этого нужно выйти во двор. Парик, накладные усики... – и вот он, участник съёмки! – Ну а небольшой шрам... – он в потёмках незаметен. Вот только бы не пересолить. Да, – иногда бывает весьма полезно интересоваться посторонними, казалось бы, мелочами! Ну

и вообще... – «работа», конечно же, пройдёт успешнее, если кому-то в это время и в этом же месте приспичит снимать кино.

«А вот и проход. Ба! – Да он уже здесь, похоже, и факел запалил, – входит в образ по всем правилам!» – тут же стук каблуков по камням прохода стал нарочито более отчётлив, а зайчик фонарика так и заплясал по стенам! – «Ага! – притаился в нише и загасил свой дурацкий факел. Пройду мимо него, как ни в чём не бывало... Только бы он сам не выдал себя какой-нибудь выходкой, дуралей... Ну вот, молодец, выдержал... теперь можно и делом заняться.»

Церковь аббатства... Нартекс... Пролёт арки с декором... – Вот она, «Сила Мудрости!». Единственным, что могло здесь привлечь искушённый взгляд любителя чужих тайн, – никогда и ни при каких обстоятельствах музейные экспонаты не должны становиться (этика профессии!) объектом внимания! – единственно привлекательным был пол, набранный из небольших каменных плит квадратной формы, плотно пригнанных друг к другу. Да, придётся повозиться, ничего не поделаешь, – умели раньше строить!

Так... Ближняя к декору плита... Тщательный осмотр, зондирование швов лезвием ножа... – несомненно, под нею пустота! Плиту необходимо сдвинуть. В ушах звенит напряжённая тишина... – ни шорохов, ни шагов! – за дело! Скорее!

Сдвинуть плиту оказалось не так-то легко: пришлось обломить уголок ломиком, а потом действовать им, как рычагом... Далее всё просто, – свёрток из промасленного тряпья... жестяная банка... – Ну, вот и всё!

Длинноволосый парик... другой, третий... контактные линзы... – целый арсенал париков и контактных линз различных расцветок и оттенков! – нет, это ещё сгодится, а вот, накладной шрам, усики... – казалось бы, небольшие детальки, а сколь мужественнее становится лицо! – их в камин (это лишь во второсортных детективах орудия преступления выбрасывают в ближайший мусорный бак)! А на журнальном столике – почти не пострадавшая от ржавчины металлическая банка цилиндрической формы, из-под чая, с плотно пригнанной крышкой. На банке всё ещё различимы чьи-то витиеватые вензеля. Содержимое коробки – всего лишь один, скатанный в трубку лист плотной гербовой бумаги, исписанный выцветшими чернилами красивым разборчивым почерком, по старо-французски.

Вот и всё! – Не густо. И стоило из-за этого целый год... а сколько ещё предстоит возни в архиве?! Да и содержание послания позапрошлого века, прямо скажем... – всего несколько французских фамилий: «граф де Ла Форт», «Шарль д'Ор... русский плен» и некоторых других, с указанием чинов и должностей... с полдесятка названий русских деревень, городков и мыз, лежавших, по всей видимости, на пути отступления Великой Армии. Да набросок извилистой речушки со стрелкой, указывающей, по всей вероятности, направление течения... с тремя крестиками на берегу и большим вопросительным знаком рядом со словами: «шесть бочонков»... – Стоило ли?

Но интуиция подсказывала: из-за этого, как раз, и стоило!

2. Крутые повороты

Прошла неделя. Поздно вечером Никола, – в который уж раз! – позвонил по стационарному. Там опять никто не снял трубку. Правда, информацию, всё же, кое-какую получил: по специфическому щелчку он понял, что стационарный телефон режиссёра снабжён автоматическим определителем номера. Смартфоном режиссёр пользовался, лишь когда звонил сам, – чтобы не отвлекали.

«Так! – Не хочет со мной общаться, собака.» Орли по сотке созвонился с Полем, – та же картина: его тоже на съёмки не приглашали. Хотя, как он знал от подружки, съёмки шли своим чередом. На роли, отведённые ему и Полю, нашлись другие кандидатуры. Ну, с Полем, вроде, понятно, – вряд ли стоит иметь дело с бывшим под подозрением. А вот... – да, самолюбие это задевало неслабо!

А может, это как-то связано с его ночным визитом в аббатство? Да и вообще... – кто же был там, если не его приятель? Ведь, нос к носу же! Ну а если не Поль, то кто? – От вопросов разламывалась голова!

Через два дня, по крайней мере, на один из этих вопросов он получил-таки ответ...

– Да! – по грубой резкости голоса Никола всё понял. Он уже лишь для проформы задал вопрос относительно своего участия в съёмках...

– Нет! – Прозвучало из наушника, – Ваша кандидатура в этом фильме... – Орли бросил трубку на рычаг, не дослушав. – Всё! Это облом! Застучало в висках, в горле пересохло... – он глотнул холодного кипятку прямо из носика чайника. «Позвонить Полю...»

Они встретились в кафе, на углу авеню де Либерте и рю де Лаверюн, недалеко от путевой развязки. Двух- и трёхэтажные домишки весёлых расцветок под ярким средиземноморским солнцем, вальяжные прохожие... – всё это словно шептало: да ладно, будем жить дальше!

«Ну что ж, будем, так будем! Да вот, только как?» – войдя в таком, нерадушном настроении в кафе, Нико сразу же увидел друга. Тот сидел в уголке, за одним из свободных столиков. В этот час посетителей было немного. Заказали по чашечке горячего кофе с холодной водой.

– Значит, и с тобой так же... Поль! – Орли, втянув небольшую порцию горячего кофе, тут же отпил холодной воды из другой чашечки. Температурный контраст подействовал освежающе. Он, откинувшись на спинку стула, оттопырился, шумно выдохнув.

– Да не переживай так, старина. Выкрутимся! – Его приятель был настроен более оптимистично, – обязательно что-нибудь придумаем! Может, на континенте, где-нибудь... а то и в Америке. – Подумаешь!

– Легко сказать... легко сказать, – вздохнул Никола, – если деньги есть.

Он задумался... Закурил. Вспомнил времена, когда, бывало, заколачивал на съёмках по тысяче евро в день. В те дни юный рыжий галл... – да, образ этакого дерзкого мальчишки-оторвы был тогда в ходу! Снимали наперебой! Рестораны, подружки... Как же! – Молодой, подающий надежды, широко известный... хоть и в узких кругах, правда. Потом же, с возрастом, всё это стало постепенно уходить. – ... уходить, не оставляя визитных карточек! И вот, без работы и – как же в этом себе трудно признаться! – без особого таланта! Да, – он никого более не интересуется! Нет, деньжата на билет найдутся, конечно же, но талант... А кому он такой нужен... – там?!

Он пустил, одно за другим, два колечка дыма... – на третье не хватило затяжки, – и они завертелись, закувыркались над столиком, да и растаяли, одно за другим...

– Так, значит, континент, говоришь, Америка... Ну а разобраться в этом деле... с подземельями, что, совсем нет желания? Да ты пойми, дубина, – кто-то, скосив под тебя, забрался ночью в аббатство зачем-то, а тебе и дела нет!

– А сам-то зачем туда пошёл? – вымолвил Поль, старательно рассматривая кофейную гущу на дне чашечки. – Ах, да, ты говорил уже... – в образ войти.

Николя кивнул, глубоко вздохнув. – Ну, так вот... начнём-ка мы с тобой от печки: давай, подвалим к той перестоявшейся девице... к экскурсоводу, и поболтаем. – Идёт?

– Ладно, идёт... – ответил друг без особого энтузиазма.

Встреча со стажёром-выпускницей исторического факультета Сорбонны, которая всё ещё подрабатывала экскурсоводом, желаемых результатов не принесла. – Да, был один странный франт, в камуфляжной куртке и таких же штанах... – вот, ростом с Поля, ну и телосложения такого же примерно, с длинноволосой шевелюрой... и выглядел довольно мужественно, даже со шрамом под правым глазом. – Да, он проявлял особый интерес к экспонатам, шастал по закоулкам и вообще, вёл себя не как обычные зеваки-экскурсанты, которым всё до фени – лишь бы «отметиться», а потом дома хвастать. И побывал он в аббатстве, – гид не могла не заметить этого, – не один раз. Ну... ну, вот и всё, собственно.

На этом их «расследование» и закончилось.

Поль уныло брёл по улице, пытаясь навести порядок в мыслях. Итак, Нико умотал колесить по свету в поисках счастья, оставив его одного разбираться в этом дерьме... и приглядывать за квартирой. После того странного случая в аббатстве приглашений на съёмки больше не было; накопленные сбережения таяли с каждым днём, и с такой же скоростью исчезали последние надежды на пристойную жизнь.

Он вальяжно фланировал вдоль витрины кафе, в котором они обычно обсуждали совместные планы, скользил безучастным взглядом по разноцветным пятнам афиш и впервые в жизни, – ну, хотя бы за три последних года он мог поручиться, – не знал даже куда идти, а не то, что предпринять.

Поль пересёк по диагонали скверик, что у его дома, намереваясь перейти улицу и войти в свой подъезд, как вдруг...

– Ой! – одновременно с этим женским вскриком он почувствовал лёгкий толчок в бок и тяжесть упругого тела, почти навалившегося на него слева. И тут же под ноги покатались рассыпавшиеся апельсины.

– Извините... простите, месье... – и довольно привлекательная брюнетка, присев на корточки у его ног, стала быстро подбирать рассыпавшиеся оранжевые плоды, складывая их в небольшую плетёную корзинку.

Поль, не в силах безучастно глазеть на эту сцену, тут же предложил свои услуги:

– Мад... – запнулся он, однако, не заметив кольца на руке прелестной незнакомки, уже более решительно произнёс, – мадмуазель, я помогу Вам... – и опустил в корзиночку ещё один апельсин, бросив при этом быстрый взгляд на её привлекательные колени...

– Благодарю, месье... не знаю Вашего имени...

– Поль, – ответил он тут же с улыбкой... и с большой готовностью. – А Вас как зовут, мадмуазель? – теперь молодой человек, позабыв о своих насущных проблемах, и в самом деле был вполне «готов»...

Он галантно взял её корзиночку и направился вслед за молодой женщиной в скверик, – видимо, ей надо было привести себя в порядок, и сделать это ей хотелось непременно на одной из его скамеечек. Окинув незнакомку взглядом опытного оценщика, Поль прикинул: тридцать два – тридцать пять... стройна, красива, разведена... – короче, в его вкусе, – и тут же, не откладывая, решил приступить к делу.

Однако, ему не пришлось особо стараться, – дружелюбность улыбки и словоохотливость Габриэллы просто захватили его врасплох! – и он только и делал, что отвечал на её вопросы, возникавшие будто невзначай, не успевая задавать свои.

– Так Вы, Поль, – актёр?! – она одарила его столь милой улыбкой, что бедный парень даже не испытал и тени той неловкости, какую обычно испытывают безработные, скрывая свой «временный недостаток».

– Да... сейчас вот, готовлюсь к новой роли... вхожу в образ, так сказать. А Вы, Габриэлла... в какой области общественно-полезной деятельности пролегает Ваш курс?

– Знаете... – она заботливо поправила воротничок его рубашки и этим, как показалось Полю, выдала ему карт-бланш на перспективу дальнейших отношений. – Мой курс... моя судьба... – тут она задумалась, поглядев куда-то вверх и вправо, будто подыскивая нужное слово, – мой курс: поиски счастья!

Поль, глядя всё это время на девушку и улыбаясь, согнал тут улыбку с лица и задумался, видимо, вспомнив что-то. В его памяти всплыла вдруг Академия Киноискусства, занятия психомимикой... – «не верь собеседнику, если он, отвечая на вопросы, устремляет взор куда-то вверх и в сторону ведущей руки!» – но тут же, прогнав тревожные мысли, вновь заулыбался. «...Но, как же ты хороша! – подумал он, внимательно глядя в её бездонные голубые глаза, – как же хочется тебе верить!»

Посидев немного и поболтав «за жизнь», они разошлись, обменявшись телефонами. Поль вновь окунулся в беспросветную мусть безденежья, а Габриэлла...

Её проект буксовал. Нет, в материальном смысле всё было замечательно: заказчиков хоть отбавляй! – Многим же хотелось установить личные родословные, чтобы, оправив их в золочёные рамочки, развешивать в своих офисах, адвокатских конторах... или в стоматологических кабинетах, – будь они!.. – пудря мозги клиентам. Интернет, архивы, библиотеки... – всё было к её услугам, все двери открывались перед обаятельной выпускницей Кембриджа со степенью доктора философии в области архивоведения. Однако... – ну не могла же она разрываться, занимаясь различными вопросами одновременно, тем более, когда её собственное дело стояло! – Ей был необходим проворный и надёжный помощник.

Габриэлла подошла к зеркалу, – «а что, – на все сто! вот только зубки слегка...» – и подмигнула своей визави из зазеркалья. Зубки свои, слегка тронутые «травкой», она решила привести в порядок в самое ближайшее время. «Ну а если Поля припахать, не дожидаясь хода событий? – Приставить к делу, так сказать. Что ж, парень толковый, не мошенник, вроде... Поговорить с ним, а потом...» А и то правда, – не даром же дежурила четыре дня у его подъезда в ожидании удачного момента!

Поль, по её мнению, сейчас был не у дел. А может, и вообще, давно сидел без работы, бедняга... – и как это кстати! И она ему, конечно же, поможет... а он ей. – И Габриэлла, обладая жалостливым характером, усмехнулась чему-то, вспомнив этого милого чудака.

Ей нетерпелось тут же позвонить ему, – но нет, она выдержит паузу и дожждётся его звонка! А в том, что это произойдёт, и очень скоро, Габриэлла почему-то не сомневалась.

Через два дня, в субботу, – ох, как ей дались эти два томительных дня! – она дождалась-таки желаемого. – Он позвонил ей, и они договорились о встрече на следующий день: Поль пригласил её в кафе, что на углу авеню де Либерте и рю де Лаверюн...

Посетителей в кафе почти не было. Увидав Габриэлла, Поль встал и галантно поклонившись, вручил ей маленький букетик розовато-голубых цветков неопределённой классификации, которыми торговала за углом цветочница. «Однако... Безработный, а... – да, кавалер, ничего не скажешь!» – и она улыбнулась в ответ... уже вполне ослепительной улыбкой.

– Поль, а как Вы смотрите на перспективу нашего... сотрудничества? – взяла Габриэлла с места в карьер, усаживаясь, – привычка решать текущие вопросы сразу, не откладывая, выработалась у неё уже давно и никогда не подводила.

– Погодите... я закажу по чашечке кофе... Вам какой: с молоком или... – он неуклюже попытался было скрыть чувство неожиданного восторга, охватившее его, но румянец, проступивший на щеках...

– Мне как и Вам, – с холодной водой.

– А... а откуда Вы...

– Ладно, Поль... – улыбнулась Габриэлла, – не будем шиковать. Давайте-ка, лучше поговорим. – И она, дождавшись кофе, рассказала ему о своём бизнесе, об особенностях работы в архивах... и о том, что ей нужен толковый помощник.

Он согласился... – за двадцать пять процентов дохода. Они тут же оговорили и круг обязанностей, которые теперь лягут на его плечи: просматривать периодику исторической направленности в библиотеках, особенно интересуясь эпохой наполеоновских войн.

Он уже год работал над её проектом. Габриэлла исправно отчисляла из дохода оговорённые проценты. Работа в библиотеках и архивах, так пугавшая поначалу (далеко не все материалы были оцифрованы и в Интернете отсутствовали), понемногу стала даже нравиться Полю: сидишь в тиши залов, неспешно перелистываешь пожелтевшие страницы, делаешь заметки в блокноте... и складываешь бабки. – Красота!

Так, они довольно быстро восстановили родословную одного парижанина, – до 1820 года! – и она помогла ему утвердиться в правах на владение спорным клочком земли с какой-то развалюхой, на Лазурном Берегу... – и за это клиент выложил им тридцать восемь штук евро... за два-то с небольшим месяца работы! – Просто блеск!

А тут и Нико вчера звякнул, воротясь из странствий, – и есть неплохой повод...

То же кафе... почти тот же столик, если не брать в расчёт мебель (теперь стулья и столы были не деревянные, как прежде, а пластмассовые) и несколько иной интерьер (стены, оклеенные пластиком вида неоштукатуренного кирпича). Говорят, новый стиль (под трущобы или бунгало Робинзона Крузо) теперь в моде; и квартиры, выполненные в таком стиле, стоят недорого.

...Тот же Поль, чуть осунувшийся, правда.

Николя, по привычке, пускал колечки, одно за другим, вспоминая мытарства по разным там Европам, Америкам... – везде хорошо, где нас нет! – отпил немного из чашки...

– Эй! Ты где, – «приход» у тебя, что ли? – окликнул его приятель. – Благо, хозяин здешний... стулья ещё у него, а то в бистро... – там не посидишь, не помечтаешь! – Заказал, выпил, и вал! Зато оборот клиентуры, выручка! – Казаки придумали...

– Какие там ещё казаки? – воротился Нико из путешествия по волнам памяти, чуть не захлебнувшись кофе.

– Да русские, генерала Платова... – был у них такой пьянчужка, ещё в 1814 году, когда в Париж вошли, – дед рассказывал мне, историк... – вот и название от них осталось – «бистро». Войдёт этакий увалень в харчевню, – а там наши по часу коньяк смакуют из маленьких рюмашек, – подойдёт к стойке, швырнёт монету и потребует... – Поль даже привстал, изображая казака, требующего выпивки, – и гаркнет во всю глотку: «Рому! – Кружку! И... быстро!» – отсюда и название. – Затем осушит залпом, крикнет, повернётся на каблуках и, – строевым шагом к выходу, под изумлённые взгляды посетителей! Вот так-то! А мы с тобой кофе чашечку сосём полчаса.

– В Булонском лесу от этих казаков скобы ещё остались в старых соснах... Они их вместо наблюдательных вышек использовали, – вставил Николя. Он, родившийся близ Парижа, часто бывал в этом парке. Теперь в Булонском лесу не погуляешь, – его облюбовали «голубые».

– Лихой народ, эти русские! Забудьды, но морду набить могут! Там, говорят, до сих пор медведи, случается, по улицам шастают. Да и люди... – бандит на бандите!

– Ну что ты мелешь?! – Бывал там разве? – оживился Николя, въехав в русскую тему. Бабушка его была из России; и пока он глотал пыль заморских дорог, они с дедом купили

небольшую квартирку в Санкт-Петербурге, на реке Мойке, – благо, развал в России, можно по дешёвке... а потом продать подороже.

– Не, бывать в России не доводилось ещё... Упаси, Бог!

– А мне моя бабуса рассказывала, – она Пушкина любила читать, – что когда русские в столицу входили, то их парижанки цветами встречали! – Во как! А ты – медведи... бандиты!

– Ну да?! – отозвался Поль скептически, – и с чего бы это?

– Да ничего особенного. Просто они, понимаешь, насмотревшись на наших плюгавиков, – да и тех Бонапарт в солдаты забрал, оставив лишь стариков да калек! – увидели вдруг настоящих, кондовых мужиков! Об этом Пушкину поведал его старший приятель, Пётр Каверин, побывавший тогда в Париже. Во многих полках, когда уходили, не досчитывалось по пятнадцать – двадцать человек! – Парижанки их прятали, где могли, только бы в Россию не отпускать, – по чердакам, подвалам... А ты говоришь, – бандиты. Нормальные ребята!

– Этот Каверин, – у Нико, похоже, разыграла русская кровь, – как-то, в одном из шалманов, утёр носы нашим офицеришкам... А было так. Входит он в забегаловку и видит: четверо наших парней в штатском, – а намётанный глаз не проведёшь: явно офицеры! – разлили бутылку шампанского по четырём бокалам и, стоя, выпивают – «за Императора!». А дело в том, что в те дни в Париже, и в самом деле, находился русский Император Александр, но они-то пили за нашего! И вот тогда этот Каверин зовёт гарсона и требует: «один бокал и четыре бутылки шампанского!» – и, стоя, тоже выпивает – «за Императора!» – все четыре подряд! А затем подходит строевым шагом к нашим, отдаёт честь и громко, по-французски: «вот как надо пить за своего Императора, господи!» И, снова отдав честь, круто разворачивается и твёрдым шагом, как по струнке, вон из шалмана!

Здесь речь идёт о реальном лице, старшем приятеле Александра Сергеевича Пушкина, – Петре Павловиче Каверине, – бесшабашном гусаре, участнике штурма Парижа. Ему великий поэт посвятил стихотворение («К Каверину») и одну из своих статей.

– Нет, русские любят крепко вдеть, это верно. – И тут Николя рассказал другу, – ну раз уж легла такая карта! – о том, как, войдя в Париж, русские гусары прежде всего разыскали винодельню, какая лишь и уцелела: винодельню месье Шаврона. Тот, перетрусив, согласился поставлять в войска вино за полцены, только бы не разоряли. Так вот, гусары, уже выходя из Парижа, нарочно сделали крюк и, проезжая верхом мимо этого благословенного заведения парадным маршем, – полк за полком! – отдавали честь: «Виват, Шаврон!» – Вот, какие они, русские! – закончил Орли.

– Э-э, приятель! Мы уже с полчаса, как о русских треплемся, – и лишь о том как пьют, да как с бабами... А почему, – знаешь? Да просто они и не могут по-другому. Пустой, дикий народ! Отсюда и революции, и Перестройки ихние... Всё никак не выбрать: то им коммунизм нужен, то капитализм... – оттого и живут в дерьме! Но, сильны, бродяги! Ох, сильны! Ты уж извини, старина, коли задел твои русские струнки...

– Да что же мы сегодня о русских, да о русских?! – и Поль выразительно хлопнул ладонью по столу, да так, что посуда зазвенела. Николя успел-таки подхватить почти пустую чашку, чуть было не соскользнувшую со стола.

– Ну ты же сам начал, Поль. А, кстати! Удалось тебе выяснить... – мы так ничего и не узнали толком... а тебя ведь, из-за этого турнули тогда.

– Не бери в голову, старик, – Поль, подавив возбуждение, был теперь совершенно спокоен и, пожалуй, жизнерадостен, – дело закрыли, а съёмки... – найду что-нибудь. А пока на подхвате, – ответил он, вертя чашку и не глядя в глаза другу. – А сам что собираешься делать? Как в Европе-то, в Америке?..

– Да всё то же. Случайная работа... телереклама... Там не очень-то к иностранцам... – среди своих куча безработных талантов! А «свобода», «равные возможности»... – хрень всё это, реклама, обман!

– Ну и что делать собираешься, коли ни здесь, ни там?..

– Погляжу... – уклончиво ответил Нико, – так... есть мыслишка. «А всё же, рассказать ему, или?..» – подумал он, рассматривая кофейную гущу на дне чашки.

Николя давно знал Поля: вместе закончили Академию Киноискусства в Париже, вместе и сниматься начали. Потом, бывало, их жизненные пути и расходились надолго, но затем неизменно пересекались. Одним словом: друзья-конкуренты, – помогали, случалось, друг другу... но каждый ревностно относился к успехам другого.

– Да ладно, скажи уж другу!

И Нико, – «а и в самом деле, может Поль и подскажет что-нибудь», – поведал приятелю о своей, появившейся, кстати, совсем недавно, идее и вытащил из борсетки объёмистую пачку листов с текстом, сложенную вдвое...

Снять на оставшиеся деньги свой собственный фильм, по своему сценарию... – эта мысль всё чаще посещала Николя. А что?! Лишь бы тему выбрать покруче. Но вот, с темой-то... – с этим было сложнее. Чем сейчас удивишь пресыщенного зрителя?! – Детектив? – Откровенный порнухан? Нет, всё балда! «Мыльные оперы»? – Эти многосерийные радиомюзиклы (какими и были поначалу), так полюбившиеся когда-то домохозяйкам, стиравшим одновременно бельё (отсюда и название), – они уже всем надоели! Вот бы развернуть многосерийную киноэпопею, да самому сыграть в ней главную роль! – Это было бы, пожалуй... Тогда бы в Монпелье... Да что там этот южный городишко – тогда бы вся Франция ахнула!

Тут Нико представил афишы, расклеенные по всей стране, – с его задорной рыжей физиономией! Ворохи писем и телеграмм... Букеты влюблённых поклонниц, оставленные у двери его маленькой квартирки, в мансарде трёхэтажного домика на рю де Фигэрас!.. Выступление на презентации фильма в Париже: он, с рыжей копной непокорных волос, во фраке синевато-зелёного цвета морской волны, в свете пюпитров... – и непременно, в «Ле Гранд Рекс», на Больших Бульварах! А потом... – соблазнительные предложения крупнейших киностудий Франции... поездки в собственном авто с откидным верхом (о котором так мечтал!) ... фуршеты... – да что там Франция, весь мир у его ног!

Но опять же, – «на какую тему?» – этот вопрос мигом вырвал Орли из когтей сладкозвучных сирен Острова Грёз и безжалостно бросил его в трясины Болота Реальности.

Николя, подойдя к холодильнику, достал машинально банку пива, открыл и сделал глоток. Пиво не освежило, оставив во рту лишь привкус горечи. Он подошёл к полке, на которую были сложены стопками книги вперемешку с брошюрами и ксерокопиями и попытался достать книжонку с броским названием на корешке переплёта: «Написать сценарий к фильму? – Нет ничего проще!». Стопка развалилась, рассыпавшись разноцветным ворохом.

Среди книжонок и брошюр он увидел давно уже позабытую им толстую папку, – ещё, помнится, дед с нею возился, – а из неё выпала подшивка листов ксерокопий... – «Записки Императорской Гвардии конного егеря Шарля д'Ора о походе в Россию в 1812 году с корпусом кавалерии под водительством маршала Жана-Батиста Бессьера», – прочёл он заголовок. Подняв довольно объёмистую пачку пожелтевших листов, он бегло прошелестел страницами, – так, ничего особенного, – и хотел, было, водрузить её на «историческое» место, собирать пыль веков дальше... однако, подумав, швырнул на письменный стол, поглядеть на досуге.

На другой день (благо, досуга хоть отбавляй!) Николя решил осуществить своё намерение. Ему ещё с детства была известна, – в общих чертах, конечно, – история их далёкого предка, «посетившего» в 1812 году Россию в составе армии Наполеона, да так и оставшегося там. Вот

только имя этого предка... ну хоть сейчас узнал, и то ладно. Лишь после русской революции его потомки перебрались во Францию.

«Всё это... – так, ничего особенного», – он стал читать дальше. – Описание похода в Россию... Сражения... Вопросы стратегии... Пожар Москвы, отступление... – и вдруг! – «вот это да-а! Вот это, пожалуй...» Нико заёрзал на стуле, углубляясь в чтение... – «так, это же почти готовый сценарий, да какой! – Интрига! Тайна!»

Он встал из-за стола, прошёлся. «Посоветоваться с Полем? – посидеть в кафе, прощупать, чем дышит... вот, вдвоём и возьмёмся!» Орли тут же решил отсканировать рукопись. Поразмыслив немного, он отсканировал лишь четверть её. Закончив эту возню, взял смартфон...

– Привет, старина! – — Да, с неделю как вернулся. – — А хрень всё это, расскажу на досуге. – — Как насчёт посидеть за чашечкой кофе? – — Ну и отлично. – — Конечно же, на старом месте, где и тогда, год назад... – — Да на углу проспекта Свободы и улицы Лаверюн, где ж ещё?! – — Хорошо, до завтра!

Нико обратил внимание, как у его приятеля, по мере просмотра листов отсканированной рукописи, начал проступать румянец на щеках и всё ярче загорались глаза! Он, просмотрев рукопись, попытался перечитать некоторые места...

– Нет, нет, – опередил его Нико, – возьми это всё домой, старик, а через пару деньков мы обсудим. Поверь, здесь и твоему таланту найдётся применение...

...Поль ушёл. Габриэлла ещё раз пересмотрела оставленную им отсканированную рукопись этого Орли, – «ну молодец, парень, посоветоваться решил! Ну что ж, теперь – за дело. Прежде всего следует составить план действий, а затем...» – Она уже потирала руки в предвкушении того, что последует затем.

«Итак, бесследно исчезнувшие сокровища Ордена Тамплиеров южной Франции... – начала она размышлять, – Так! Магистр Ордена, владелец аббатства Люнье, граф де Ла Форт... Ну и... Шарль д'Ор...» – она кривовато усмехнулась. Многодневное бдение в архивах с десятков лет назад принесло-таки свои результаты! – теперь она знала, например, что Шарль д'Ор, один из приближённых маршала кавалерии Императорской Гвардии Жана-Батиста Бессьера и что этот д'Ор пропал без вести в России... а затем, уже в начале двадцатого столетия, в Монпелье появляется семья неких Орлинских (принявших впоследствии фамилию Орли)...

Можно было бы предположить, что одна из ветвей генеалогического древа гвардейца шелестит молодой порослью прямо над головой, здесь, в Монпелье! А тут, – на тебе! – само в руки! Знакомство с этим приятелем Поля, потомком – х-м! – д'Ора, пока не состоявшееся просто из-за того, что он исчез из поля зрения (потому она, собственно, и закадрила Поля, засветившегося в полиции во время съёмок в аббатстве), – знакомство это ещё впереди. Да! На ловца и зверь...

«Молодчина, Поль! – Отблагодарил! Ну а теперь он и без меня выкрутится... А что, денег поднакопил с моей помощью, ну а я... Да, правду говорят, что добрые дела и плоды приносят добрые!» – И Габриэлла стала собираться в дорогу... – сначала в Париж.

Поль ходил из угла в угол. Впервые в жизни, пожалуй, он не знал, что предпринять. А ситуация и в самом деле, непростая: подруга, к которой успел прикипеть и чувствовал себя обязанным... – нет, по-настоящему благодарным даже! – надолго его покидала (сославшись на необходимость закопаться в бумагах столичных архивов и на кучу других дел), а друг... – Николя же звал на крутое дело, рукопись, вот, даже презентовал... которую глянул разок, да и забросил на неделю, пока не пришла хорошая мысль всучить её Габриэлле. Да вот только дело-то следовало проворачивать в России, ну и капиталы требовались немалые – нет, риск

уж слишком велик! Деньги, правда, пока были, – их удалось накопить, благодаря процентам Габриэллы, – но... так, чем же заняться?

Он напялил парик, оставшийся почему-то у него после съёмок, подошёл к зеркалу... «Поезд отправляется на Париж в шестнадцать часов двадцать восемь минут, время ещё есть... правда, Габи просила не провожать, настаивала даже.»

Но как же, однако, его тянуло на улицу Святого Роха, на железнодорожный вокзал! «А что если...» – и молодой человек, подмигнув знакомой роже из зазеркалья, так смахивающей на него, принял решение. – Нет, он не будет её провожать, а лишь поглядит со стороны... а потом звякнет ей по смартфону. Поль, облачившись в новый костюм, как был в парике, вышел на улицу и поспешил на вокзал.

Скоростной электропоезд TGV (Train à Grande Vitesse) был уже подан под посадку. Серебристо-голубая сигара его, с сильно удлинённым носом головного вагона, вытянулась почти на всю длину перрона. Развивая скорость свыше трёхсот километров в час, он домчит Габи до Парижа всего лишь (если верить расписанию) за четыре с небольшим часа!

Он увидел Габриэллу почти сразу. Она стояла у второго, с хвоста поезда, вагона и, беседа с седоватым господином среднего роста, вертела в руках небольшой букетик. Затем, улыбнувшись друг другу, они расстались: девушка вошла в вагон, а незнакомец исчез среди провожающих.

Поль не двигался с места. Да и куда торопиться, – до отхода поезда оставалось шесть минут, и он решил дожждаться... Так значит, его подруга-спонсор уезжала в столицу, – «нагло-таться пыли столичных архивов», – оставив его, и похоже, надолго... Парень не выдержал и достал смартфон. Найдя в списке «Габи» и нажав на «вызов», он через несколько секунд услышал её голос...

– Габи... – произнёс он тихо, – извини, что пришёл, всё же... мне будет без тебя тоскливо... скорее возвращайся...

– ... Спасибо, – услышал Поль в ответ, – мы не прощаемся... будем друг друга держать в курсе. Жди меня, и я вернусь... – Только очень жди! – процитировала она отрывок из какого-то стихотворения и, рассмеявшись, бросила: – Пока! – И потом дала отбой.

Поезд плавно тронулся, – машинист даже не осадил перед этим состав назад, как это бывало раньше, на маломощной тепловозной тяге, – и, быстро набрав скорость, вагоны исчезли один за другим за изгибом пути, заслонённые другим составом, стоявшим в ожидании локомотива.

Поль, опустив голову, тяжело вздохнул и медленно двинулся к выходу. Он проходил уже зал ожидания, как вдруг...

– Извините... – услышал он за собой мужской голос и обернулся. Перед ним стоял тот самый седоватый господин среднего роста... – Раз уж Вы здесь, то вот, возьмите... Габриэлла просила... – и передал незапечатанный конверт, в котором что-то хрустнуло. «Деньги... – сообразил Поль, – но ведь она и так уже...» В этот момент вблизи их что-то грохнулось. Поль обернулся, – оказалось, это со скамейки свалился чемодан...

– А... а как... – только и успел вымолвить Поль, запинаясь, но таинственный незнакомец уже исчез в толпе ожидающих. – Исчез так же внезапно, как и появился.

«Так, значит, всё это время... весь год я был у них на прицеле! – эта обидная мысль сверкнула, словно молния. – Вот почему она сама не стала передавать мне это послание... – ей очень хотелось показать, что я под контролем! Вот только – у кого?» Бедный Поль поспешил домой. На ходу он заглянул в конверт, – ну, так и есть, деньги! – и сунул его в карман. Ему не терпелось пересчитать «премию», переданную таким таинственным образом, но лучше это было сделать дома.

Теперь стало ясно, что он был «под колпаком»... и, скорее всего, это и есть причина, по которой у него теперь нет надёжного заработка. А кто же тогда, эта Габриэлла? И тут

ему вспомнились те события, в аббатстве Люнье, – жандармерия, полиция... – от подобного поворота в рассуждениях его бросило в жар! – похоже, тогда он влип в такой переплёт, что до сих пор...

Парень понимал: надо бы выяснить, кто же такой, сей седоватый незнакомец, передавший конверт... но ему было так же ясно, что этого выяснить он как раз и не сможет. Оставалось одно: плыть по течению, зорко наблюдая за берегами... и срочно искать работу. – А что же он ещё мог предпринять?!

Правда, оставался Нико... – его роль во всей этой истории с подземельями аббатства до конца, всё же, была неясна... И откуда у него появились такие сведения о предке, об этом д'Оре, – семейная реликвия или... взломанный тайник в храме аббатства?

В облаке таких тревожных мыслей Поль добрался до дому и, как был в парике и в новом костюме, присел к столу и тут же вытащил содержимое конверта... В нём оказалось пять купюр, по тысяче евро каждая, и среди них записка, сложенная вчетверо... Прочтя послание Габриэлы, – текст был набран шрифтом «Times New Roman» четырнадцатого размера, – он, побледнев, расстегнул ворот рубашки, затем, пройдя на кухню, сделал пару глотков из носика холодного чайника, и лишь после этого взял трясущейся рукой сотовый... – Но, нет, сперва он сам должен всё обдумать, – и Поль отложил смартфон.

Этот звонок был сделан лишь через три дня...

3. Национальный Архив

Николя было о чём подумать, поломать голову! Поль, хотя и одобрил его замысел, но от участия в проекте отказался, сославшись на более насущные дела. Начинание, конечно же, требовало капиталовложений, а капитал... – короче, денег не было ни у того, ни у другого. Его друг, похоже, снова оказался «на мели» и теперь искал работу.

С чего же начать? – С разработки сценария? Но для этого надо бы сперва хорошенько изучить личность, побудительные мотивы, а также среду, в которой действовал главный герой. Изучение личности... – м-да! – Это, можно сказать, уже проехали; побудительные мотивы... – ну, можно взять, скажем, из исторических хроник; среда, в которой происходило действие... – Россия? – От одной лишь мысли ехать в эту дикую страну его бросило в жар! Правда, бабуся с дедом... – они ж ведь, ездили туда, пробыли в Петербурге почти полгода... и ничего, – вернулись живы-здоровы. Да как вернулись! – Его старики стали собственниками небольшой однокомнатной квартирки на Мойке (есть такая речка в Санкт-Петербурге): пока развал у них, у этих русских, квартиры там можно купить за бесценок!

Бабушка Николя имела русские корни и в Россию была просто влюблена. Узнав о серьёзных намерениях внука снять фильм об их далёком предке, оставшемся в России после отступления Великой Армии, она стала единственной, кто не только поддержал Николя, – бабуся даже посоветовала ему остановиться в их новой квартире и жить там «как дома», – она так и сказала! Ну а деньги... – там, у русских, жить намного дешевле... только были б, эти деньги! Да и с деньгами обещала помочь.

Не одну бессонную ночь провёл Нико, размышляя о возможной поездке в Россию (даже при поддержке со стороны бабушки!), пока не укрепился в необходимости этой поездки, пока, одним словом, не созрел. Бабушка же, – ох, как она приняла близко к сердцу затею любимого внука! – бабуся тут же принялась составлять рекомендательное письмо на имя некоего обрусевшего француза, месье Ле Кёра...

Этот господин, по её мнению, был в хороших отношениях с самим Предводителем Дворянского Собрания Санкт-Петербурга, а это вам не шутка! Ну а членом сего почтенного заведения она уже успела стать, предоставив свою полную родословную, исключая малейшую двусмысленность в вопросе о её дворянском происхождении.

Созрев же (не без помощи бабушки), Николя Орли начал собирать материалы о своём далёком предке, Шарле д'Оре – гвардейце Бонапарта, участнике похода в Россию в 1812 году (с кавалерией Императорской Гвардии под водительством маршала Жана-Батиста Бессьера).

Вскоре, однако, ему стало ясно как божий день, что, сидя в провинциальном Монпелье, он немного высидит, и Нико стал собираться в дорогу... – в Париж.

История любого государства, не подкреплённая архивными данными, по меньшей мере сомнительна! Поскольку же история создаётся людьми, то люди обязаны и должны знать о делах рук своих! Прежде всех это поняла Франция, – страна самых древних в Европе архивоведческих традиций, первые акты которой стали фиксироваться ещё с 1303 года! А это значит, что для поддержания в людях уважения к своей истории, к своему государству, необходим принцип публичности архивов и свободного использования архивных документов.

Вот почему декретом Учредительной Ассамблеи от 12 сентября 1790 года был образован «Департамент Национальных архивов Франции». Далее, декретом от 7 мессидора второго года республики (25 июня 1794 года) был провозглашён принцип публичности архивов. А в 1867 году маркиз Леон де Лаборд по указанию Наполеона III открыл Musée des Archives nationales – Музей национальных архивов, при-

званный сделать документы государства доступными для публики и способствовать этим воспитанию народа в духе уважения к истории своей страны! Итак... —

Ну вот и Рю де Аршив – улица Архивов, цель визита Николя Орли в Париж. Он нашёл её довольно просто, – на правом берегу Сены, чуть к северу от острова Сите. А Отель де Субиз, где размещается Национальный Архив Франции, найти и вообще не составило никакого труда. Он сразу же направился в «Современную секцию» архива, в которой содержались дела с 1792 года, и начал копать с аббревиатуры «Or»...

Начать-то начал... – Да! Это вам не архив коммуны Вилльвейрак или департамента Эро, где можно быстро всё разыскать (если, конечно же, там будет что искать). Здесь же, в Национальном Архиве... – здесь всё есть! Но попробуй, найди! Нико, после трёх часов безрезультатных поисков, вышел во внутренний двор отеля, решив подышать свежим воздухом и собраться с мыслями.

Во дворе Архива, окружённом одноярусной колоннадой, посетителей было немного. Скамейки отсутствовали: небольшая группка туристов, надумавших перекусить, расположилась прямо на одном из газонов (что вполне в духе европейских традиций), в два ряда протянувшихся вдоль двора; один студентик запросто спал на травке, положив под голову свой блокнот; да симпатичная девица лет этак тридцати, – Николя заметил её привлекательную фигурку ещё в читальном зале, – полулёжа рассматривала свои записи, держа во рту карандаш.

– Извините... – Орли подошёл к девушке, стараясь привлечь её внимание, – можно у Вас проконсультироваться?

– У?... – Она вынула карандаш изо рта и кокетливо улыбнулась, – а что, сотрудники нынче не дают консультаций?

– Да я их и не заметил в зале... Сегодня приехал, не освоился ещё в столице...

– Так... и что за вопрос? – прервала его девица, всем видом будто бы хотевшая показать, что ей некогда... но, учитывая его нестоличное происхождение, она, тем не менее, готова снизить...

– Мне очень нужно составить послужной список нашего предка... – ответил он, присаживаясь на траву, «не заставляя же её вставать ради меня!» – моего предка ...кавалериста Императорской Гвардии, состоявшего в корпусе маршала Жана-Батиста Бессьера.

– А... а как же звали Вашего предка? – И если бы Николя был чуть наблюдательнее... – но он, однако, находился не в том состоянии, чтобы замечать малейшие изменения в интонации собеседницы.

– Шарль д'Ор... Я начал искать по аббревиатуре «Or», но...

– Нет, нет! – чуть возбуждённо воскликнула девушка, – надо попробовать на «Dor», а если опять не выйдет, то на «Charles» или даже «Charlesdor» – в те времена вначале указывались частицы «d» или даже имена, а фамилии записывали во вторую очередь.

После такого вступления как-то просто и само собою выяснилось, что её зовут Элин, что в Париже она тоже проездом, и что... – ну, короче, они договорились встретиться завтра в кафе «Маргарет» на площади «Отель де Вилле», что в десяти минутах ходьбы от Национального Архива, если идти к Сене.

Вернувшись в читальный зал, Николя, пользуясь рекомендацией Элин, разыскал-таки все необходимые сведения о своём родственнике и уже поздно вечером направился на север столицы, в Сен-Дени, где остановился на несколько дней у двоюродной сестры своей бабушки.

Нико долго не мог заснуть. Лишь стоило смежить веки, и перед мысленным взором его тут же закручивалась карусель: прелестное личико Элин (казалось, давно уже знакомое), её очаровательная фигурка сменялись круговертью листов ксерокопий с архивными печатями, содержащих сведения, от которых дух захватывало! – Страны, поля и дороги коих расстила-

лись ковром под пыльными сапогами и копытами Великой Армии... места сражений... одержанные победы... На этих листах была отображена география почти всей Европы!

Его предок, – Шарль д’Ор, сержант четвёртого эскадрона конно-егерского полка Императорской Гвардии, кавалер ордена Почётного Легиона, – свою гвардейскую карьеру начал ещё в конце Второй Итальянской кампании сначала в конно-гренадерском полку Консульской гвардии Жана-Батиста Бессьера, куда был зачислен после шести лет службы в армейской кавалерии.

В битве при Маренго, состоявшейся 14 июня 1800 года, в которой Наполеон разбил австрийцев, а затем вынудил их покинуть Италию, Шарль принял своё боевое крещение в качестве конного гренадера Консульской Гвардии Бонапарта.

При Аустерлице, 2 декабря 1805 года, уже в полку Императорской Гвардии маршала Бессьера, Шарль д’Ор, участвует в лихой кавалерийской атаке, опрокинувшей русскую гвардию. Именно в этом бою Императорская Гвардия стяжала себе лавры непобедимой!

Что же представляли собой конные гренадеры Императорской Гвардии? Чем вообще являлась гвардейская кавалерия Бонапарта? – Она была самым элитным видом войск революционной Франции! Сверкание золота на мундирах, на дорогом оружии филигранной отделки, ржание породистых лошадей... – всё это вызывало восторг обывателей и зависть армейских частей! Служить в кавалерии было, несомненно, почётней, но и гораздо опасней: Бонапарта, привыкшего к быстрым рывкам и молниеносным победам, раздражала малоподвижность пехоты, этих «топтунов», и он отдавал предпочтение быстрой как молния кавалерии, бросая её в бой первой. Да и попасть в кавалерию Императорской Гвардии малорослым французам было непросто, – 176 сантиметров! – вот какой ценз по росту надо было пройти! Да что там рост! – если хочешь попасть в гвардейскую кавалерию, сперва отслужи в армии более пяти лет, да отличись не в одном сражении и не менее, чем в двух кампаниях!

И вот, в этой-то конной гвардии Императора самым почётным был конно-гренадерский полк, насчитывавший примерно тысячу сабель! В медвежьих шапках с красными султанами, в синих мундирах с ремнями, лацканами и клапанами обшлагов белого цвета и в таких же белоснежных жилетах под мундирами, с золочёными аксельбантом на правом плече и контрэполетами, в белых кюлотах, заправленных в кавалерийские ботфорты со шпорами... на вороных (рядовые) и на серых (офицеры) лошадях отборных пород, – конные гренадеры Гвардии являли собой красу и гордость Великой Армии и её ударную силу!

После Аустерлица были Йена (14 октября 1806 года) и Эйлау (8 февраля 1807 года) в Пруссии, где ударная мощь конно-гренадерских соединений оказалась настолько невероятной, что их полк пробил линию русских насквозь, выйдя им в тыл!

Далее – Испания: Медина дель Рио Секо (14 июля 1808 года), сражение под Мадридом (4 декабря 1808 года), битва при Гвадалахаре... – в результате чего испанский трон занял брат Наполеона Жозеф...

Да! Его предок, словно вихрь, – и тут перед мысленным взором Нико возникла живая, трепещущая лавина сверкающей стали и лошадиных подков! – он вихрем пронёсся по зелёным полям Европы... покрывая их кровью, а себя – славой!

Потом Шарля ждала Россия...

Элин вошла. Небольшой уютный зал кафе, заполненный лишь наполовину; мягкий свет люстры и сокрытых от глаз светильников, расположенных по периметру; приспущенные шторы... – и тут же увидела Николя, который, уже заказав столик, заметил её тоже и усиленно жестикулировал. Она подошла и, поздоровавшись, уселась за столик, одарив кавалера лучистой улыбкой бездонных карих глаз, а затем открыла меню.

– Вы уже заказали себе что-нибудь?

– О, нет-нет! Я только что пришёл... – соврал Нико, дожидавшийся Элин уже с четверть часа, и неуклюже поднявшись, вытащил из-под столика небольшой букетик, – это Вам.

– Благодарю... Вы, настоящий кавалер! – и она попросила его заказать чашечку кофе со сливками и булочку с корицей, что Нико тут же и исполнил, позвав гарсона. При этом он удвоил содержание заказа (чтобы особо не заморачиваться).

Разговор, конечно же, зашёл о результатах архивных поисков, и Николя с нескрываемым удовольствием поделился радостью своих открытий. Он также сообщил Элин, что собирается в Россию, в Санкт-Петербург... – писать сценарий фильма о своём далёком предке.

– А, знаете... – задумчиво произнесла девушка, взглянув на люстру, висевшую на потолке, справа от неё, – мне тоже нужно ехать в Петербург, может, и свидимся там... я вылетаю через три дня.

Николя собирался ехать на поезде (так дешевле), погостив четыре дня в Париже. И Нико с Элин обменялись телефонными номерами, благо, роуминг у них был уже оформлен.

– Ну, что ж, – поедem врозь, а жаль... – добавила Элин, – мне было бы интересно поговорить о Вашем предке. Ладно, перенесём это в ресторанчик... этак, на Невском, где-нибудь...

Покинув кафе, они долго бродили по вечернему Парижу. Затем он проводил её до станции метро на острове Сите, и они расстались... – до встречи в Санкт-Петербурге.

Через три дня, в Люксембургском саду, некий господин в сером костюме, любовавшийся творением Фредерика Огюста Бартольди – статуей Свободы, – опустив руку в карман, извлёк свой сотовый: кто-то прислал ему эсэмэску. В сообщении было несколько слов: «Всё подтверждено. – Вылетаю в Россию. – Эл.»

– Удачи тебе, Эл! – чуть слышно произнёс он и с нескрываемым удовольствием продолжил своё прерванное занятие...

На другой день, вечером, когда Николя, уже закончив свои бдения в архиве, присел отдохнуть в саду на углу Рю де Аршив и Рю де Бретань, его кто-то достал по сотке. – Это был Поль.

Друг сообщал, что в России ему, – именно ему, Николя Орли! – следует быть крайне осторожным (при этом он не поскупился на краски, стущённые собственными эмоциями), и что они с ним вляпались, ещё тогда, в аббатстве, в довольно скверное дело, за которое по своей воле и не братья бы вовсе, а уж, взявшись, – довести до конца! На вопрос об источнике таких конкретных сведений, касающихся его – Орли, – Поль ответил кратко: «друзья»!

Да. Конечно же, Николя пересмотрел бы своё решение и не стал, сломя голову, стремиться в Россию, но билет на поезд был уже взят, да и бабушка, – ох, уж эта бабуса! – она просто дожидаться не могла, когда же любимый внучок отправится на её родину! Одним словом, он решил ехать, а уже там, на месте... – И, будь, что будет!

Итак, Нико ждала Россия... как когда-то она ждала и его предка, Шарля д'Ора...

Часть 2. Рукопись гвардейца Бонапарта

«Записки Императорской Гвардии конного егеря Шарля д'Ора о походе в Россию в 1812 году с корпусом кавалерии под водительством маршала Жана-Батиста Бессьера»

Любезный читатель мой! Не суди строго за корявое изложение путаных мыслей, – пишу по памяти, а писательскому ремеслу необучен. Но уж если эти письма дошли до тебя, – хочу предупредить, что составлены они рукою человека, совсем не лучшего из тех, кого ты встречал на своём пути, и уж точно, далеко не самого правдивого! Однако знай, что правда, изложенная письменно или словесно, заключается не в правде слов – «мысль, выраженная словами – ложь!» – а в правде того, что заставляет записывать или произносить эти слова.

Так, правда обмана – ложь, сокрытая уверенными и чёткими словами, каждое из которых... правдиво; правда же честности, – ох, как трудно её порою расслышать в невнятном бормотании полусбивчивых и корявых слов (правда ведь так неудобна и так бесстыдна... особенно, если голая)! А, что ж тогда говорить о правде «не самого правдивого»?!

Важно лишь одно: прочтя или услышав слова, обращённые к тебе, ты должен попытаться в них отыскать Свою Правду! И коли это случится, – не так уж и важно, правдив ли рассказчик! Важно совсем другое: сможет ли он заставить тебя искать эту Правду!

А какою будет найденная тобою Правда, сие зависит лишь от тебя, – от того, кто ты есть сам...

Императорской Гвардии конно-егерского полка сержант Шарль д'Ор, кавалер ордена Почётного Легиона – с почтением!

1. Неман...

И вот она, Россия... – огромная, загадочная, дикая! Лишь гладь реки отделяет нас от конечной цели похода: завалить этого великана! Грозной поступью Великая Армия, истоптавшая пыльными сапогами Европу, вышла, наконец, к берегу этой русской реки – Немана! Всего лишь одно усилие, один могучий рывок... – и степной великан ляжет к ногам нашего Императора, как преданный пёс! Ещё осень не успеет позолотить каштаны Елисейских полей, как падёт Санкт-Петербург... а за ним и Москва! Ну а к зиме... – Рождество, как обещает наш Командующий, будем отмечать уже дома, у родных очагов, удивляя домочадцев рассказами о прогулке по широким российским просторам!

Лишь гладь реки... Да! Надолго запомнится эта ночь, с 23-го на 24-е июня 1812 года каждому из нас... – вернее, каждому из тех, кто останется в живых! О, знать бы тогда, сколь нас мало останется!

Неодолимая сила... – более шестисот тысяч закалённых в боях, прокопчённых порохом воинов, почти тысяча четыреста орудий! – Великая Армия растянулась перед Неманом с юга на север: здесь были собраны все – от берегов Гвадалквивира до Вислы, от Польши и до Восточной Пруссии! – На южном фланге стояли почти сорок тысяч австрийцев Шварценберга; к северу, от Варшавы до Гродно, – сто шестьдесят тысяч поляков, итальянцев, голландцев, бельгийцев, рейнских и ганзейских немцев, а также немцев из Вестфалии, Баварии и Саксонии... (трудно всех и перечесть!) под командованием короля Вестфальского и вице-короля Италии Евгения де Богарне. Затем же – сам Император, во главе двухсот двадцати тысяч верных французов! И, наконец, на крайнем фланге, перед Тильзитом, – Макдональд с более, чем тридцатью тысячами пруссов! Позади же были ещё полторы сотни тысяч резерва, стоявшие наготове! – И всё это хлынет в Россию, яростной волной сметая русские сёла и города!

Ночь... только бы её переждать! Но, как же она длинна и темна, эта бессонная ночь перед великим Днём Славы!

В памяти всплывают пламенные слова и фразы воззвания Императора, воспалившие наше воображение и притупившие мысли об опасностях завтрашнего дня. Бонапарт, обходя строй и будто помня в лицо своих ветеранов, говорил со многими, и порою не стесняясь в выражениях, – ведь, грубость у солдат, привыкших рисковать жизнью, почитается за силу, а учтивость – за трусость! Одним он напоминал Маренго, другим – Аустерлиц, Йену, Фридланд... И вот теперь к славе былых побед можно присовокупить и славу покорителей России!

Бонапарт рассуждал, что русские, имея армию менее двухсот тридцати тысяч человек и всего лишь одного достойного военачальника – Багратиона (Кутузов уже был не у дел, а Главнокомандующий, военный министр Барклай-де-Толли... – да кто он такой, этот немец!) – и при отсутствии единоначалия (Александр постоянно, как знал Наполеон, пребывал в войсках и совал нос в дела командования), не смогут оказать сколь-нибудь серьёзного сопротивления его Великой Армии. Таким образом, война очень скоро перейдёт в плоскость политических кабинетных батальи, а Россия... – она, быстро покорившись его воле, станет послушным союзником в борьбе с Англией.

Великая Армия расположилась у Немана в ожидании переправ таким же порядком, как и двигалась к нему: немцы, во главе «двунадесяти языков», руководимые королём Вестфальским, направлялись к Гродно; Евгений де Богарне с таким же количеством итальянского войска шёл к Пилонам, а мы – двести двадцать тысяч французов – следовали за своим Импе-

ратором к небольшой деревеньке Ногаришки, вблизи Ковно. И вот сейчас эта лавина стали и доблести замерла перед рекой, готовясь к прыжку!

Армия уже готова была форсировать реку, но ничем себя не выдавала, скрываемая дремучим прусским лесом и лесистыми горами. – Ни огонька ночью, ни дыма костра днём... ни единого сигнального выстрела!

Бонапарт, появившийся верхом на лошади, осматривал берег, намечая места для строительства мостов. Наш великий Полководец никогда и ничто не пускал на самотёк, вникая в любую мелочь! У самой воды лошадь его споткнулась и сбросила седока на песок. Многим, очень многим тогда это показалось дурным предзнаменованием!

Под покровом ночи, на 23 июня, первыми через реку неслышно переправились сапёры, чтобы начать возведение, согласно приказу Императора, трёх мостов. И что же поразило их?! – А поразила их тишина, царившая на русском берегу! Ни выстрела, ни крика, ни даже случайного возгласа... – мир и спокойствие!

Сразу же через реку переправилось три сотни стрелков для защиты строителей мостов, – но, от кого защищать?! А сутками позже, под сенью темноты, из лесу к реке безмолвно выдвинулись наши войска, – ни громких команд, ни огонька! – подавляя своим внушительным грозным видом и вселяя надежду на скорую победу!

И вот, настал рассвет, 6 часов утра 24 июня 1812 года! Никто из нас не забудет этой даты, – ... никто из тех, кто останется в живых! Тут же был дан сигнал к выступлению, – и масса людей и лошадей, сверкающая оружием и усыпавшая склоны холмов и долины, пришла в движение. – Шла пехота, скакала кавалерия, тянулись пушки, ползли обозы... Армия, разделившись на три колонны, двинулась к трём мостам, обтекая холм, на котором стояла палатка Императора, окружённая конно-егерским пикетом. Извиваясь, словно три громадных змеи, то вытягиваясь, то сокращаясь, она была полна решимости покорить эту чужую дикую землю, простиравшуюся за Неманом!

Тут же начались потасовки за право первыми вступить на эту землю. Император тоже спешил сделать первый шаг... Перебравшись на другой берег, он, – в одиночку, оставив позади не успевавший за ним пикет охраны! – промчался верхом, на бешеной скорости, по русской земле более мили... но, не встретив даже и намёка на присутствие неприятеля, воротился к переправе.

И лишь дня через три до нас долетел вроде бы отдалённый гром пушек... – в воздухе пронёсся глухой шум, стало темнеть, поднялся ветер... – и на землю упали первые капли дождя. Начиналась гроза. Словно сама природа брала под защиту русскую землю. Многим это показалось роковым предзнаменованием – увы! – так скоро исполнившимся!

Итак, на рассвете, 24 июня 1812 года армия Французской Империи без объявления войны перешла русскую границу. Внезапность удара, – вот на что был сделан расчёт!

Бонапарт, не встретив сопротивления противника, объяснил это неготовностью России к войне. Он не учёл, однако, что русским силам, и в самом деле намного более слабым, чем его Великая Армия, будет предписано командованием не только отказаться от наступления и даже от обороны приграничья, но и спешно отходить вглубь страны.

Таким образом, рухнул первый замысел Наполеона: разбить русскую армию в генеральном сражении на пограничной полосе и, стало быть, завершить войну! – В этом был его первый серьёзный просчёт!

Впервые идея подобной тактики русских в возможной войне с Францией на российской территории зародились ещё в начале 1807 года, во время Второй войны с Наполеоном.

Март 1807 года. Мемель. В этом небольшом прибалтийском городке находился тогда на излечении генерал-майор Михаил Богданович Барклай-де-Толли, тяжело раненный под Прейсиш-Эйлау. Там же проездом оказался и русский Император Александр I, и он, конечно же, навестил своего верного и способного помощника. Тяжело было тогда на душе у раненного генерала! Его постоянно тревожила мысль: как одолеть Бонапарта, особенно, если дело будет касаться земли Отечества? Поделившись этой заботой со своим государем, Барклай прямо и откровенно заявил, что у России нет полководца, равного Наполеону! А поэтому единственной тактикой ведения большой войны, по его мнению, следует считать заманивание противника вглубь страны, уничтожение за собою городов и запасов провизии, нарушение коммуникаций рейдами у него в тылу.

Этот план ведения военных действий был одобрен царём и осуществлён Барклаем-де-Толли в 1812 году, когда он уже был Военным министром, Командующим 1-й Западной армией и фактическим Главнокомандующим вооружённых сил России...

Мы заняли Ковно и Вильно... Заняли – не то слово: мы просто вступили в эти города! Повсюду – следы разрушений, оставленные отходившими русскими силами, но самой армии не было. Буквально перед нашим приходом русская армия исчезла! Цель нашей гонки за русскими – разбить их армию... но чтобы разбить, её сперва надо было найти! Русские же отступали к Смоленску и, по всей видимости, – далее, к Москве... Но почему же к Москве?

Я ломал голову над вопросом, занимавшим меня почти с самого перехода границы. По логике войны государство лишь тогда окажется побеждённым, когда будет повержена его столица... так, почему же мы, влекомые нашим Великим Полководцем, или по пятам русской армии, отступавшей к Москве? Почему бы часть Великой Армии не развернуть на север, в сторону Санкт-Петербурга, никем почти не прикрытого? Быть может, главная цель нашего Императора – уничтожить армию противника, а столица... – она без армии падёт и сама?

В этом как раз и заключался гениальный замысел Барклая-де-Толли, подхваченный впоследствии Кутузовым, и на который «повёлся» Наполеон: отступать, изматывая противника, но не к столице для её защиты (что было бы вполне логично, – ...однако, тогда война будет неминуемо проиграна, поскольку французов силой не остановить!), а вглубь страны, к Москве, создавая у неприятеля иллюзию, что на этом городе свет для русских сошёлся клином!

Ну а Санкт-Петербург... – это направление закрыть было просто нечем (все войска брошены под Смоленск!), и его прикрывал всего лишь один-единственный корпус (двадцать три тысячами пехоты с конницей, при 108 орудиях) генерал-лейтенанта Петра Христиановича Витгенштейна... бросать против которого половину Великой Армии, необходимой для уничтожения главных сил противника (оставшегося бы тогда у неё в тылу), было бы просто глупо. – И в этом состоял второй крупный просчёт Бонапарта!

Не успел я отыскать ответ на свой вопрос, как на другой же день, – такова уж наша жизнь, что нередко ответы на вопросы как-то находятся, а сами вопросы как-то решаются лишь оттого, что мы начинаем о них думать! – итак, на другой день, вызывают меня через посыльного к нашему полковнику, и притом, в полной выправке...

Полковник Конно-гренадерского Полка Императорской Гвардии дивизионный генерал Фредерик-Анри Вальтёр (звания в Гвардии соответствовали армейским, но были рангом выше), одновременно являлся командующим третьей бригадой,

куда входил полк, а также – и дивизией корпуса кавалерии Гвардии, командовал которым маршал Империи Жан-Батист Бессьер, генерал-полковник Императорской Гвардии...

Гвардеец должен являться по приказу командира в полном вооружении и походной экипировке, – одним словом, готовым к выполнению задания. Ну что ж, – сборы недолги: протёр ладонью орден Почётного Легиона, красовавшийся на доломане... а надо сказать, орден этот, полученный за Прейсиш-Эйлау, был для меня прямо-таки палочкой-выручалочкой! Мало того, что он приносил доход в 250 франков, что для солдата совсем недурственно, так ещё и в трактирах поднесут бесплатно, ежели не слишком наглеть... да и жандармы документа не спросят, а часовые – так те аж на караул берут, вытягиваясь по струнке! – Вона как!

Затем, осмотрев збрую и закрепив на лошади лёгкое кавалерийское седло, приторочил к нему гренадерский карабин с длинным (почти до среза ствола) деревянным ложжем, пару пистолетов Ап XIII с обеих сторон седла, патронную сумку... нацепил новую, только что выданную шефом нашего эскадрона, саблю «а ля Монморанси» с изогнутым клинком... – делов-то!

Захватил с собой, правда, и недельный денежный запас, – всё, что было на руках! – 15 франков, 10 су и 4 сантимата... да лошади пуд овса на пару дней (в мешках с обеих сторон седла), ну а сена можно раздобыть по дороге – и в путь!

– Куда мы направляемся? – спросил я посыльного с удивлением, когда палатка полковника осталась в стороне, а мы, тем не менее, продолжали путь. Немногословный посыльный, молчавший всю дорогу, словно воды в рот набравшись, на этот раз «снизошёл», удостоив меня ответом:

– Терпение, мой друг, терпение... – и вновь углубился в молчаливо-глубокомысленное изучение разбитой Великой Армией ухабистой дороги, толчками ложжившейся под копыта наших лошадей.

Вскоре мы подъехали к Вильно, – всюду следы пожаров и опустошения! На окраине городка я сразу приметил домишко, чудом не разорённый русскими, – его нельзя было не заметить: пикет гвардейских конных егерей гарцевал, красуясь, на породистых скакунах, окружив халупу со всех сторон. Это была Ставка Верховного Главнокомандующего!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.